

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА

въ ея письмахъ о Россіи за послѣдніе годы жизни.

(Переведены съ Французскаго).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ уже говорено о первыхъ двухъ томахъ превосходной книги, которою Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ обогатилъ нашу историографію. Третьимъ томомъ нынѣ закончилось это изданіе и дорисованъ необыкновенно привлекательный образъ царицы, оставшейся и при ея жизни, и до нашихъ дней какъ бы въ тѣни и полудѣйствности. Причина тому—недоброжелательство свекрови, этой Grande Roseuse (какъ называлъ ее князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій), не имѣвшей ни въ умѣ, ни въ нравѣ, ни въ склонностяхъ, ни въ образѣ жизни почти ничего общаго съ Елисаветою Алексѣвною. Недоброжелательство передано и Николаю Павловичу: онъ сжегъ Записки императрицы Елисаветы Алексѣвны, которыя она читала Карамзину и намѣревалась завѣщать ему. Для потомства утрата Записокъ возмѣщается нынѣ ея откровенными письмами къ матери. Умомъ, обширною начитанностью, умѣньемъ, сохраняя величіе сана, относиться къ людямъ просто и сочувственно, супруга Александра Павловича напоминаетъ державную бабу его. Подобно ей, Елисавета Алексѣвна искренно любила Россію, и любовь эта проявлялась во время военныхъ бѣдствій и когда ей пришлось прожить почти цѣлый годъ въ Москвѣ, возстававшей тогда послѣ сожженія 1812 года. Она всячески радѣла благу Русскаго народа. Вотъ, напри- мѣръ, чтó читаемъ у нея о нашихъ монастыряхъ.

*

Москва, 7 (19) Ноября 1817.

Уже давно меня занимаетъ мысль о полезномъ примѣненіи нашихъ монастырей: теперь же, когда мнѣ пришлось близко видѣть многіе изъ нихъ, эта мысль сдѣлалась обычнымъ предметомъ моихъ размышлений. Народное благочестіе связано съ сохраненіемъ монастырей, а въ сложныхъ, до безконечности разнообразныхъ обстоятельствахъ человѣческой

жизни, убѣжище, представляемое монастыремъ, бываетъ для иныхъ подчасъ благодѣяніемъ. Царящая же въ нихъ обыкновенно праздность и вызываемыя ею гнусныя или хотя бы даже только нежелательныя послѣдствія, дѣлають то, что мысль останавливается на этихъ убѣжищахъ чаще всего рядомъ со страхомъ проникнуть туда.

Поэтому вотъ какія пришли ко мнѣ мысли о полезномъ примѣненіи нашихъ монастырей, безъ малѣйшаго нарушенія того устава (св. Василія), который господствуетъ во всей Греческой церкви.

Вотъ на что можно бы употребить женскіе монастыри:

1) *Для воспитанія молодыхъ двѣушекъ.* Но слѣдовало бы предотвратить тѣ неудобства, которыя существуютъ теперь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, занимающихся воспитаніемъ ихъ. Дѣло въ томъ, что монахини, принимая по большей части сиротъ, воспитываютъ ихъ для постриженія въ монашество и такимъ образомъ съ самаго нѣжнаго возраста предназначаютъ ихъ къ монашеской жизни.

2) *Для женской больничной службы,* какъ въ Елисаветинскомъ монастырѣ, въ Вѣнѣ.

Въ началѣ, объ эти цѣли должны бы опредѣляться способностью игуменій, либо мѣстными условіями. Есть монастыри, въ которыхъ оба дѣла могли бы быть совмѣщены. Но, разъ цѣль дѣятельности монастыря была бы установлена, это оставалось бы уже навсегда; женщинамъ же, желающимъ посвятить себя монашеской жизни, былъ бы предоставленъ выборъ: смотря по своимъ способностямъ, онѣ поступали бы въ монастыри-страннопріимные домъ или же въ монастыри-учебныя заведенія. Въ эти послѣднія слѣдовало бы принимать исключительно дѣтей изъ бѣдной среды, потому что воспитаніе, полученное тамъ молодыми дѣвушками, не было бы пригодно для жизни большого свѣта. Ихъ учили бы читать, писать, Закону Божію, руководѣлю, хозяйству и уходу за больными съ нѣкоторыми познаніями въ медицинѣ. Особенно слѣдили бы за воспитаніемъ ихъ характера, прилагалось бы стараніе къ развитію ихъ сердець согласно правиламъ христіанской нравственности. Если бы познанія иныхъ монахинь позволяли имъ расширить знанія дѣтей, имъ бы не препятствовали обучать ихъ географіи, естественной исторіи, исторіи, астрономіи, физикѣ, и т. д., имѣя при томъ постоянною цѣлью воспитывать ихъ души и совершенствовать сердца, давать имъ возможность проявлять себя.

Что касается мужскихъ монастырей, примѣненіе ихъ труднѣе. Тамъ, гдѣ устроены семинаріи, онѣ уже дѣйствуютъ съ пользою; но

не знаю, хорошо ли увеличивать число этих заведений и наиболее ли желательнымъ является духовное воспитаніе въ виду положенія, какое мужчины должны занимать въ обществѣ. Оно, конечно, хорошо для воспитанія блага духовенства, но на мой *теперешній* взглядъ—не больше того, и мнѣ думается, что гораздо лучше помѣщать юношей въ лицеи, гимназіи и пансіоны, коихъ директоры, люди женатые, отцы семействъ, даютъ своимъ воспитанникамъ повседневную картину счастья семейной нравственной жизни. Мужскимъ монастырямъ, находящимся на большой дорогѣ или по близости отъ нея, могло бы вмѣняться въ обязанность принимать странниковъ, нуждающихся въ помощи; при нашемъ климатѣ бываютъ такія времена въ году, когда очутиться на большой дорогѣ настолько же опасно, какъ въ горахъ С.-Готарда и С.-Бернарда въ Швейцаріи. Монастыри, болѣе отдаленные отъ большой дороги, могли бы служить исправительными домами для преступниковъ или людей, сбившихся съ пути истиннаго, уже наказанныхъ гражданскимъ судомъ. Въ нихъ старались бы поддержать раскаяніе, смягчая душу благочестивыми поученіями и ежедневнымъ покаяніемъ. Въ отдаленныхъ монастыряхъ такихъ людей можно было бы употреблять на полезныя работы въ самомъ монастырѣ или на полѣ, смотря по степени ихъ исправленія и т. д. Этотъ вопросъ можетъ быть еще измѣненъ и расширенъ до безконечности. Слѣдовало бы выработать обширный уставъ, при чемъ желательно, чтобы лица, коимъ было бы поручено распредѣлять людей виновныхъ передъ обществомъ, были бы разборчивы при рѣшеніи, кого слѣдуетъ помѣстить какъ я только что говорила, а кого отправить въ Сибирь.

Каждый архіерей долженъ былъ бы наблюдать въ своей епархіи за тѣмъ, чтобы обязательства, возложенныя на монастыри, исполнялись точно; они же несли бы за это отвѣтственность передъ правительствомъ. Конечно, денежные средства не позволили бы осуществить все это сразу; но, для начала, можно было бы найти различныя пособія:

- 1) доходы, получаемые отъ экономическихъ крестьянъ.
- 2) часть церковныхъ доходовъ*),
- 3) частныя подаянія, и

4) Правительство, ставя себѣ задачею полезное примѣненіе монастырей, могло бы, въ виду этого, воздержаться на нѣкоторое время отъ новыхъ учрежденій, дабы помочь монастырскимъ. Каковы бы ни были правительственныя благотворительныя учрежденія, число мона-

*) Впрочемъ, въ Россіи есть очень богатые монастыри, которые для исполненія возложеннаго на нихъ нисколько не нуждались бы въ помощи.

стырей отъ того не уменьшается, съ тою только разницей, что съ каждымъ днемъ они становятся менѣ полезными, а слѣдовательно тѣмъ вреднѣе, чѣмъ долѣе они предоставлены самимъ себѣ и чѣмъ они болѣе перестаютъ быть учрежденіями благотворительными.

*

Москва, 28 Января (9 Февраля) 1818.

Я должна васъ покинуть, чтобы одѣться къ обѣду, а позднѣе мнѣ помѣшаетъ продолжать письмо Ростовская¹⁾, о которой узнаете отъ Амаліи²⁾. Ея посѣщенія меня всегда нѣсколько тяготили; теперь же, каждый разъ какъ она бываетъ, мы съ нею читаемъ толстую тетрадь подлинныхъ и писанныхъ рукою императрицы Екатерины писемъ ея къ князю Волконскому³⁾, отцу княгини Прозоровской. Хорошая княгиня одолжила мнѣ это любопытное собраніе на сколько мнѣ угодно времени; оно меня крайне занимаетъ. Ростовская, много жившая и теперь еще живущая въ обществѣ Русскихъ стариковъ, знаетъ иногда значеніе подробностей, встрѣчающихся въ этихъ письмахъ. Отецъ княгини Прозоровской былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

*

Москва, 20 Февраля (4 Марта) 1818.

Государь уѣзжаетъ сегодня въ ночь. Меня *тяготитъ* мысль, что это отсутствіе продолжится до 1-го Іюня. До тѣхъ поръ должно столько многое совершиться, столько снѣга растаять, столько растений вырасти и зазеленѣть, что, кажется, я никогда не дождусь его⁴⁾! Дѣло только въ привычкѣ: мнѣ думается, что въ Петербургѣ я бы этого не испытывала. Александра тоже должна окончить свои дѣла; покамѣстъ, я убѣждена, что все будетъ благополучно и не удивилась бы, если бы у нея родился сынъ.

*

Москва, 31 Марта (2 Апрѣля) 1818.

Завтра для меня будетъ маленькій праздникъ: я во второй разъ проведу часть утра въ Архивѣ: это меня занимаетъ и увлекаетъ. Ничего я такъ не люблю, какъ историческій хламъ....⁵⁾

1) Т. е. княжна или княгиня Лобанова-Ростовская? П. Б.

2) Это старшая сестра императрицы, въ теченіи многихъ лѣтъ жившая у нея въ Россіи. Она скончалась дѣвичествомъ у матери своей. П. Б.

3) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій. Эти письма напечатаны во 2-й книгѣ нашего сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“. П. Б.

4) Государь уѣзжалъ на открытіе перваго сейма въ Варшавѣ и затѣмъ ѣздить въ Крымъ. П. Б.

5) Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщавшійся тогда близъ Маросейки, у Троицы на Хохловкѣ. Историческія сокровища его показывалъ

*

Москва, 20 Мая (1 Іюня) 1818.

Дорогая матушка, имѣя мало времени для письма, отвѣчу только на вашъ вопросъ относительно переписки Англійской королевы Елисаветы. Удивляюсь, что до васъ дошли о ней слухи. Правда, между письмами или грамотами, отправленными въ ея царствованіе и ею подписанными, есть одно весьма любопытное письмо, но въ немъ только подпись ея и ближайшаго ея совѣтника; само же письмо написано не ея рукой. Содержаніе его очень занимательно, но постыдно для государя, къ которому оно обращено, и я удивляюсь, какъ онъ оставилъ это письмо послѣ себя. Царь Иванъ Васильевичъ, бывшій безспорно гениемъ для своего времени, но въ концѣ царствованія сдѣлавшійся ненавистнымъ своими жестокостями, возымѣлъ намѣреніе покинуть Россію, гдѣ не считалъ себя въ безопасности, и укрыться въ Англію. По этому поводу онъ вывѣдывалъ королеву Елисавету, и письмо, о которомъ идетъ рѣчь, есть подробный отвѣтъ (по англійски) на это предложеніе. Королева выражаетъ удовольствіе принять его, обѣщая во всѣхъ отношеніяхъ безопасность ему и всѣмъ, кого онъ привезетъ съ собой. Однимъ словомъ, я нашла, что это письмо представляетъ большую занимательность, но мнѣ любопытно узнать, кто вамъ о немъ сказалъ.

*

Петербургъ, 26 Іюня (8 Іюля) 1818.

Перечитывая ваше письмо, вижу, что вы спрашиваете меня, на какого принца Вильгельма похожъ маленькій Александръ, на своего дядю или на дѣдушку. Я нашла, что въ первыя минуты онъ былъ очень похожъ на своего дядю, сына короля; уже теперь онъ измѣнился лицомъ и будетъ еще мѣняться тысячу разъ*). Повидимому мать его очень любитъ, но безъ страстности: у нея, кажется, вообще нѣтъ ничего неумѣреннаго въ характерѣ, и это только къ лучшему для личнаго ея счастья.

императрицѣ директоръ Архива А. О. Малиновскій, напечатавшій тогда свою небольшую книжку о Мининѣ и Пожарскомъ, намятникъ которымъ освященъ былъ передъ отбѣдомъ Государя. Книжка эта вышла и въ Нѣмецкомъ переводѣ его дочери Екатерины Алексѣевны (въ то время отроковицы, позднѣе супруги Ростислава Алексѣевича Долгорукаго). Малиновскій, вѣроятно, думалъ, что императрица затрудняется читать по русски; но въ то время она уже вполнѣ выучилась Русскому языку, а знакомство съ Карамзинымъ и чтеніе Исторіи Государства Россійскаго могли побудить ее къ посѣщенію Архива. П. Б.

*) Когда я въ Петропавловской крѣпости подошелъ къ лежащему во гробу императору Александру Николаевичу, меня поразило сходство его въ чертахъ лица съ императоромъ Вильгельмомъ 1-мъ. П. Б.

*

Петербургъ, 4 (16) Марта 1819.

Кажется, императрица-мать (да будетъ это между нами, дорогая матушка), по меньшей мѣрѣ, одинаково сожалѣть и объ удовольствіяхъ, которыми она пользовалась во время своей поѣздки¹⁾, и о своей дочери²⁾; по крайней мѣрѣ объ удовольствіяхъ она говоритъ больше, чѣмъ о дочери. На все здѣшнее она жалуется, на климатъ, на общество: однимъ словомъ, если ее послушать, можно подуматъ, что она вернулась сюда, пробывъ половину своей жизни гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Она сгорала нетерпѣніемъ снова видѣть общество. Такое настроеніе радуетъ меня за нее; стало быть напрасно я о ней беспокоилась. Между тѣмъ, въ газетахъ помѣщаются трогательныя статьи о здоровьѣ „глубокоопечаленной матери“, которая черезъ двѣ недѣли послѣ своего приѣзда уже говорила со мной о туалетахъ, объ обществѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Престранно читать эти статьи въ газетахъ, тогда какъ я, вижу все вблизи. Подобныя замѣчанія позволяю себѣ дѣлать только для васъ, дорогая матушка и для сестеръ.

*

Царское Село, 20 Мая (1 Іюня) 1819.

Мы обѣдали сегодня въ Павловскѣ, гдѣ я много слышала о смерти княжны Туркестановой³⁾, одной изъ фрейлинъ, сопровождавшихъ императрицу-мать въ ея поѣздкѣ. Она умерла въ ночь на сегодня, въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, отъ послѣдствій холеры, которою заболѣла три или четыре недѣли тому назадъ. Здоровье ея было сильно разстроено уже въ пути. Императрица-мать была вчера въ городѣ и присутствовала при ея соборованіи, во время котораго она была въ полномъ сознаніи; говорятъ, она умерла настоящей христіанкой. Бѣдная дѣвушка, а еще такъ недавно она далеко не отрѣшалась отъ здѣшняго міра! Но я убѣждена, что Богъ даруетъ милость тихо умирать тѣмъ, кто горячо и съ упованіемъ молить Его объ этомъ.

*

Ораніенбаумъ, 29 Іюля (10 Августа) 1819.

Лонгиновъ⁴⁾ бываетъ у меня изрѣдка, потому что жена его имѣетъ часть семьи при себѣ, и всѣхъ ихъ негдѣ было бы помѣститъ, а онъ не можетъ разстаться съ женой; онъ очень хорошій мужъ. Недавно

¹⁾ Въ чужіе края. П. Б.

²⁾ Королевы Екатерины Павловны, передъ тѣмъ скончавшейся. П. Б.

³⁾ Княжна Варвара Ильинична Туркестанова. П. Б.

⁴⁾ Николай Михайловичъ Лонгиновъ, секретарь Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

я видѣла его сына¹⁾; у него препотѣшная физиономія: представьте себѣ, Лонгинова съ лицомъ восьмимѣсячнаго ребенка, худенькаго и продѣлывающаго штуки; этотъ ребенокъ до смѣшнаго похожъ на своего отца.

*

Каменный Островъ, 8 (20) Сентября 1819.

Михаилъ здоровъ и, если Богу будетъ угодно, въ то время какъ вы получите это письмо, онъ уже забудетъ о своей болѣзни. На этотъ разъ мои предчувствія меня обманули.

Поразительную вещь сказала мнѣ одна особа, съ которой я отнюдь не близка и никогда ей не высказываю своего мнѣнія про образъ дѣйствій императрицы-матери. Особа эта спрашивала меня о здоровьѣ Великаго Князя Михаила; мы говорили о его болѣзни, и вдругъ она говоритъ мнѣ съ такимъ простодушіемъ, которое меня ошеломило: „боюсь за него, ибо вижу въ этомъ руку Провидѣнія для императрицы-матери“. Это вѣрно, что она не *смирена въ счасть*: еще недавно всѣхъ непріятно поразило ея требованіе, чтобъ въ церкви новорожденную²⁾ поминали раньше великихъ княженъ Маріи и Анны, тогда какъ моя первая дочь, которая считалась, однако, дочерью прямого наслѣдника, поминалась послѣ всѣхъ Великихъ Княженъ. Ей на это возразили, что *сестры* Государя ближе ему, чѣмъ его *племянница*. Она съ такимъ упоеніемъ видитъ Николая и его вѣтвь уже на престолѣ, что это пугало бы меня за cadaго, кромѣ нея.

*

Петербургъ, 18 Февраля (1 Марта) 1820.

Остаться въ странѣ, которую можешь считать своей родиной, гдѣ находишь всѣ воспоминанія дѣтства, и въ какой чудесной странѣ! Остаться среди своей семьи и знакомыхъ, имѣя возможность путешествовать ради удовольствія! Вотъ судьба, которой я съ дѣтства всегда желала. Это-то и заставляло меня когда-то желать выйти замужъ за Людвига Дармштадтскаго, такъ какъ въ Карлсруэ не за кого было выйти. Мнѣ кажется, что въ такомъ положеніи должно процвѣтать, какъ физически, такъ и морально: кровообращеніе должно быть лучше, должны быть знакомы лишь нѣжныя привязанности, тогда какъ одно усиліе въ первый разъ оторваться отъ своей семьи и отъ родины, оставляетъ на нѣкоторыхъ существахъ неизгладимое впечатлѣніе.

¹⁾ Это извѣстный впоследствии бібліофилъ и бібліографъ Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ. П. Б.

²⁾ Т. е. новорожденную великую княжну Марію Николаевну раньше Маріи и Анны Павловны. П. Б.

*

Петербургъ, 4 (16). (1820).

Милая и дорогая матушка, пишу вамъ съ этимъ курьеромъ, дабы исполнить свое обѣщаніе при первой оказіи отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ относительно распространившихся слуховъ о разводѣ великаго князя Константина; такъ какъ Амалія спрашивала меня о томъ же, то и она здѣсь найдетъ обѣщанныя мною разъясненія. Злосчастное дѣло это тянется вотъ уже больше года, и я впервые о немъ узнала въ Байрейтѣ, отъ самой великой княгини Анны, когда видѣла ее въ прошломъ году, на обратномъ пути моемъ въ Россію. Государь предложилъ ей это, когда видѣлъ ее на пути изъ Штутгарта въ Веймаръ; онъ поручилъ ей поговорить со мною, не имѣя времени сообщить мнѣ объ этомъ въ Карлсруэ. Тогда объ этомъ знали только она и братъ ея Леопольдъ¹⁾, всѣ остальные члены ея семьи должны были этого не знать. Секретъ былъ не мой и, признаюсь, я все надѣялась, что въ концѣ концовъ это предположеніе не состоится. Вотъ отчего, дорогая матушка, я никогда не говорила объ этомъ ни вамъ, ни кому-либо изъ своихъ. Здѣсь я объ этомъ говорила только съ принцессой Вюртембергской Антониной, которая объ этомъ должна была быть осведомлена и, вскорѣ по пріѣздѣ, съ гр. Строгановой, будучи увѣрена въ ея осторожности. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у великаго князя была любовница, которая ему наскучила; къ тому же онъ узналъ объ ея невѣрности; однимъ словомъ, чтобы тамъ ни было, онъ захотѣлъ измѣнить образъ жизни и жениться не на особѣ равной ему по положенію, а на Польской барышнѣ. Я не поручусь за то, что тутъ не было Польскихъ интригъ и, мнѣ думается, скорѣе можно это утверждать, чѣмъ обратное. И такъ, онъ просилъ Государя о разводѣ; просилъ о немъ уже давно, когда хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской²⁾, но въ то время императрица-мать воспротивилась этому своимъ непреклоннымъ отвѣтомъ, на который она постоянно ссылалась: „выбери особу равную по положенію и когда твой выборъ будетъ тобою сдѣланъ, я соглашусь на разводъ, но не раньше“. Этимъ весьма мудрымъ отвѣтомъ она въ то время ему воспрепятствовала. Теперь же, когда дѣла измѣнились, все принимаетъ иной оборотъ: она уже видѣла Николая и его потомство слишкомъ близко отъ престола, чтобы опасаться его отдаленія отъ престола черезъ законный бракъ в. кн. Константина; и такъ, она соглашается на неравный бракъ, а могущіе быть отъ него отпрыски будутъ формальнымъ актомъ удалены отъ возмож-

1) Кобургскій, впоследствии Леопольдъ I, король Бельгійскій. П. В.

2) Это сестра государевой любимицы, Жанета Антоновна. П. В.

ности какого-либо наслѣдія. Это всѣхъ устраиваетъ: Государя потому, что онъ можетъ содѣйствовать счастью брата, котораго онъ всегда нѣжно любилъ; императрицу-мать потому, что это обезпечиваетъ престоль тѣмъ, кого она называетъ „единственными своими дѣтьми“; Николая потому, что престоль представляетъ для него соблазнительную будущность и уже съ давнихъ поръ; великаго князя Константина потому, что онъ не честолюбивъ, Полякъ по своимъ вкусамъ и даже собирается при жизни отказаться отъ своихъ правъ на престоль. Вотъ что происходитъ. *Хорошо* ли это, спрашиваю я у людей безпристрастныхъ; въ *моей* же душѣ такое отвращеніе къ этому ниспроверженію порядка и къ нѣкоторымъ побудительнымъ того причинамъ, что я безъ боли не могу ни думать, ни говорить объ этомъ, и чѣмъ ближе подходитъ время оглашенія, тѣмъ болѣе душа моя угнетена. Я не позволяю себѣ произнести: Богъ разсудитъ! По крайней мѣрѣ, пока дѣло будетъ изложено въ такой формѣ, чтобы ни въ чемъ не повредить честному имени Анны. Она пожелала, чтобы изложеніе было въ видѣ просьбы съ ея стороны, якобы на томъ основаніи, что „живя такъ долго въ дали отъ великаго князя и такъ какъ здоровье ея не позволяеть ей вернуться къ нему, она не желаетъ служить помѣхою счастью, которое онъ могъ бы найти въ иномъ супружествѣ“.

Такъ какъ Синодъ нашелъ возможнымъ объявить разводъ по той единственной причинѣ, что она бросила своего мужа и уже много лѣтъ отказывалась вернуться къ нему, то это послужитъ достаточнымъ основаніемъ для разлученія. За нею сохраняется полностью ея прежній титулъ, и я надѣюсь, что матеріальное ея положеніе можетъ быть, ради даннаго случая, еще улучшено. Тѣмъ не менѣе, хотя на дѣлѣ она ничего не теряетъ, эта рѣшительная мѣра очень ее огорчаетъ: она только одного желала—быть забытой, и вполне основательно боится, что огласка обратитъ на нее вниманіе, вызоветъ новыя предположенія, быть можетъ, породитъ новые слухи, тогда какъ въ теченіи многихъ лѣтъ ея жизнь не даетъ къ тому повода; боится она встрѣтить презрѣніе, можетъ быть оскорбленіе, однимъ словомъ, она въ полнѣйшемъ уныніи.

*

Царское Село. Іюнь 1820.

Устройство военныхъ поселеній нѣсколько сходно со способомъ дѣйствія побѣдителя въ покоренной странѣ; не могу не согласиться, что это на самомъ дѣлѣ произволъ, но во многихъ отношеніяхъ столь же очевидна и польза, каковую это мѣропріятіе можетъ въ будущемъ принести государству. Какой же для того единственно возможный и при-

личный путь? Государство опредѣляетъ извѣстное число принадлежащихъ ему деревень для размѣщенія въ нихъ батальона. Солдаты распредѣляются по избамъ съ тѣмъ, чтобы они дѣлались членами семей; такимъ образомъ каждый крестьянинъ пріобрѣтаетъ работника, но за то сынъ его поступаетъ уже на военную службу, а дочь дѣлается женою усыновленнаго чужака, пріобрѣтающаго право на имущество того, кто долженъ былъ принять его въ свой домъ. Вотъ въ чемъ произволь. А вотъ и полезная сторона, которая обнаружится со временемъ: такъ какъ въ деревнѣ увеличивается число рабочихъ рукъ, то должна улучшиться и обработка земли; съ теченіемъ времени рекрутскій наборъ совершенно прекратится, потому что подрастающее въ военныхъ поселеніяхъ военное поколѣніе будетъ исключительно собою наполнять армію. И, наконецъ, отъ этого должна улучшиться нравственность въ деревняхъ, такъ какъ вмѣсто расквартированія, въ томъ видѣ какъ это существуетъ теперь, когда крестьянинъ обремененъ войскомъ, которое часто не только угнетаетъ его своимъ присутствіемъ, но и портитъ его нравы, солдатъ будетъ у него жить, хлѣбопашецъ сдѣлается солдатомъ, солдатъ—хлѣбопашцемъ; попеременно онъ будетъ владѣть оружіемъ и сохою; полкъ будетъ составлять одну семью, потому что два батальона непоселенцевъ будутъ размѣщены въ резервномъ батальонѣ поселенцевъ. Этотъ крайне неясный набросокъ, который я себѣ представила, однако достаточенъ для того, чтобы усмотрѣть, что при существующемъ порядкѣ вещей, то есть при нынѣшней формѣ правленія у насъ, будущая польза отъ этого мѣропріятія перевѣшиваетъ кратковременныя его неудобства, а развѣ не въ этомъ состоитъ правило, котораго слѣдуетъ держаться при крупныхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ?

Но разсмотримъ теперь другое затрудненіе. Ходъ вѣка, намѣренія Государя, даже его слова, даютъ намъ надежду на представительный образъ правленія даже въ Россіи, и многіе умы ускоряютъ это своими мольбами. Развѣ военныя поселенія не были бы однимъ изъ наибольшихъ затрудненій для осуществленія этого порядка вещей, который между прочимъ такъ трудно ввести въ Россіи, гдѣ уже одна обширность имперіи почти несовмѣстима съ представительнымъ образомъ правленія? Если устройство военныхъ поселеній удастся въ томъ смыслѣ, въ какомъ было основано, то по прошествіи нѣкотораго времени это создастъ въ странѣ совсѣмъ особое военное сословіе: это ужъ будетъ не только войско, а военное поселеніе (численностью приблизительно равное казачеству или тому что оно до сихъ поръ было). Такъ какъ по существу представительный образъ правленія предо-

ставляетъ и долженъ предоставлять власти государя всю вооруженную силу, то не явятся ли призрачнымъ тѣ преимущества, которыя народъ долженъ извлечь изъ представительнаго образа правленія, разъ Государь, въ лицѣ вооруженной силы, непосредственно признающей только его волю, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи значительную часть различныхъ областей? Напримѣръ, можно ли будетъ считать выборы свободными тамъ, гдѣ они будутъ производиться по сосѣдству съ военными поселеніями? А сами общины, подвергшіяся такому военному преобразованію, тѣмъ самымъ не исключены ли навсегда отъ права участія въ народномъ представительствѣ; ибо, находясь въ непосредственной зависимости отъ Государя, онѣ могли бы избирать только его депутатовъ? Если высказанное теперь намѣреніе можетъ осуществиться впоследствии, то настанетъ время, когда вся армія будетъ состоять изъ поселенцевъ, и потому, въ силу необходимости, хоть и розрозненная, она должна будетъ занимать довольно значительное пространство на поверхности Европейской Россіи. Что же изъ этого получится? Или вся эта масса будетъ обыкновенно создавать перевѣсъ государевой воли—тогда во что обращается представительный образъ правленія? Или же, въ спорномъ случаѣ, ею воспользуется народная партія, и тогда что станетъ съ монархіей? Государь, не нуждаясь въ согласіи народа при наборѣ войскъ, которыя, въ силу установленнаго порядка, будутъ, такъ сказать, рождаться въ полномъ вооруженіи и всегда въ его распоряженіи, сдѣлается, мнѣ кажется, гораздо болѣе независимъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть конституціонный государь. Мысли эти должны быть еще безконечно развиты и гораздо лучше изслѣдованы, дабы можно было вывести окончательное заключеніе; я же набросала ихъ на бумагу въ ту минуту какъ онѣ ко мнѣ пришли, будучи поражена скорѣе инстинктивно, чѣмъ въ силу разсужденія, очевидною несовмѣстимостью намѣренія дать Россіи представительный образъ правленія съ устройствомъ военныхъ поселеній. Для неограниченнаго образа правленія военныя поселенія могутъ считаться счастливой отеческой мыслью въ виду тѣхъ послѣдствій, какія это сулитъ. Въ подтвержденіе моего мнѣнія можно было бы привести много примѣровъ изъ исторіи, какъ древней, такъ и современной.

Бѣдная Анна! Два дня тому назадъ я получила отъ нея письмо отъ котораго у меня сердце надрывалось. Ко всему еще она боится, какое впечатлѣніе этотъ разводъ произведетъ на ея мать и на всю ея семью. Взываю къ вашему великодушію, дорогая матушка: если представится къ тому случай, ободрите ее своею благосклонностью. Въ виду того, до какой степени этимъ разводомъ она офиціально прине-

сена въ жертву, я увѣрена, что доброта вашего сердца дѣлаетъ мою просьбу излишнею.

Жалость, вызываемая во мнѣ положеніемъ Анны, еще наименьшее, что меня тревожитъ въ этомъ дѣлѣ: самая, по моему, прискорбная сторона его, это то впечатлѣніе, какое оно можетъ произвести здѣсь. Формальный разводъ—рѣдкое явленіе въ Россіи, и немногіе видѣнные мною примѣры всегда накладывали тѣнь на семью, въ которыхъ это бывало. Теперь же, императорская царствующая фамилія, которой болѣе другихъ слѣдовало бы быть виѣ всякаго повода къ упреку, подвергнется ему столь рѣзкимъ образомъ! Въ то самое время, когда постоянно выказывается самое строгое благочестіе, принимаютъ мѣру, признанную вообще противною нашей вѣрѣ. Въ данномъ случаѣ я считаю Государя жертвой братской любви: онъ не смогъ противиться тому, что братъ представилъ ему необходимымъ не только для своего счастья, но даже для спокойствія своей совѣсти, говоря, что не хочетъ больше жить безпорядочно. Но, вѣдь, не всѣ будутъ судить о Государѣ такъ, какъ я: много будетъ осужденій, много злословій, вредящихъ уваженію къ верховной власти, которая до сихъ поръ здѣсь довольно хорошо оберегается, хотя уже не во всей чистотѣ.

Бываютъ минуты, когда я предвижу многія несчастія, но тогда я говорю себѣ: „Это плодъ моего воображенія. Богъ и изъ этого выведетъ Государя такъ же счастливо, какъ изъ многаго другого; нужно на Него надѣяться!“ Тѣмъ не менѣе я испытываю такое чувство стыда, когда думаю объ оглашеніи этого дѣла, что, кажется, куда нибудь бы спряталась. У васъ этому дѣлу дана такая огласка, что, вѣроятно, о немъ уже высказано сужденіе. А какое именно, дорогая матушка, пожалуйста, скажите. Не думаю, чтобъ оно было слишкомъ строго, ибо въ Германіи разводы гораздо болѣе обыкновенны, чѣмъ здѣсь. Есть еще одно престранное обстоятельство, о которомъ я намѣревалась съ вами поговорить, дорогая матушка, а именно: вотъ уже годъ, какъ обсуждается дѣло развода, а императрица-мать ни разу не упоминала мнѣ о немъ, какъ если бы такого дѣла никогда не существовало. Не можетъ она думать, что я не знаю о немъ; видимся мы съ нею довольно часто, обыкновенно наединѣ, такъ что случаи говорить у нея есть. Запрещаю себѣ дѣлать какіе либо выводы изъ этого; но, сознайтесь, что это странно.

*

Ораніенбаумъ, Августъ 1820.

Въ спорѣ относительно раздѣла имущества по закону, установленному въ Россіи, стали говорить о томъ, какъ было бы полезно,

если бы бѣлое духовенство состояло изъ людей хорошаго рода съ образованіемъ, соотвѣтствующимъ ихъ происхожденію. Затѣмъ было прибавлено, что слѣдовало бы также, чтобы дворяне могли заниматься торговлей, какъ это существуетъ въ Англіи. Послѣдней мысли я сильно воспротивилась, и всегда была съ нею очень несогласна. Вызванное моимъ противорѣчіемъ неудовольствіе заставило меня задуматься, не движима ли я предубѣжденіемъ. Успокоившись, я снова обсудила свое мнѣніе и занесла здѣсь его развитіе и доказательства. Допуская, чтобы младшіе члены семьи посвящали себя духовному званію, не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы они занимались торговлей, потому что если каждый долженъ имѣть способности къ своему дѣлу, то купцу присуща способность торговства; въ монархіи же, по моему, не эта способность должна воодушевлять дворянство *).

Разъ это такъ, то нужно, или чтобы сынъ дворянина отказался отъ правилъ, присущихъ ему по крови, или же изъ него выйдетъ плохой купецъ. Расчетъ прибыли и бѣльшая или мѣньшая оборотность составляютъ сущность торговли. Дворянство же, какъ я его понимаю и какъ опредѣлили его великіе писатели (Монтескьё), не имѣетъ и не должно имѣть другого двигателя кромѣ чести; оно составляетъ опору престола, ему, главнымъ образомъ, надлежитъ защищать его; дворянство—высшая изъ всѣхъ необходимыхъ въ государствѣ общественныхъ ступеней. Если бы оно могло заниматься торговлей, то дворянину, воспитывающему сыновей, пришлось бы внѣдрять имъ неодинаковыя правила; однимъ онъ говорилъ бы: „вы должны полагать свою честь въ службѣ Отечеству, въ лицѣ Государя, своею шпагою, перомъ или совѣтами. Если когда-нибудь ваша Родина и Государь будутъ въ опасности, вы должны стать первыми около своего Государя, спасти его и защищать съ безкорыстіемъ, подобающимъ вашему положенію въ государствѣ“. Тотъ же отецъ сказалъ бы остальнымъ сыновьямъ: „вамъ, въ томъ же случаѣ, не остается ничего другого, какъ продолжать въ своей конторѣ честно заниматься своимъ дѣломъ; быть можетъ, вамъ придется платить проливающимъ кровь вашихъ братьевъ, оплачивая векселя, переведенные на васъ изъ чужой страны“. Чтѣ должны будутъ испытывать эти молодые люди, въ жилахъ которыхъ течетъ таже кровь,

*) Извѣстный писатель (Мальтъ-Брѣнъ) довольно правильно называетъ торговлю—силою, равнодушною къ добру и злу. Другой писатель сказалъ: „торговля не знаетъ ни друзей, ни враговъ; въ ея глазахъ человѣкъ—только тотъ, кто продаетъ или покупаетъ“. Одинъ Голландецъ, привлеченный къ суду за то, что продалъ военные припасы врагамъ своего отечества, отвѣчалъ своимъ судьямъ; „я купецъ и пошелъ бы торговать въ аду, если бы не боялся сжечь паруса“.

когда къ нимъ будетъ обращена подобная рѣчь? Или это сдѣлаетъ положеніе дворянина невыносимымъ, или онъ подавитъ въ себѣ ту возвышенность чувствъ, безъ которой *благородства* уже нѣтъ: и вотъ онъ падаетъ и въ нѣкоторомъ отношеніи развращенъ!

Кромѣ того, дворянинъ-купецъ, благодаря своему положенію, потерялъ бы право доступа въ совѣтъ Государя и Отчизны, а если онъ продолжалъ бы допускаться туда, предположите политическій вопросъ. ставящій на вѣсы выгоду торговли и честь монархіи? Конечно, могутъ найтись среди купцовъ достаточно возвышенныя души, способныя забыть личную выгоду ради чести монархіи, но развѣ можно въ общемъ мѣропріятіи основываться на исключеніяхъ, и не мудрѣ ли ставить людей въ такое положеніе, гдѣ на двадцать случаевъ будетъ, можетъ быть, одно исключеніе? И такъ эти исключенія, которыя можно еще умножить и доказать примѣрами, заставляютъ меня сдѣлать выводъ въ слѣдующихъ словахъ: купеческое сословіе столь же необходимо въ государствѣ, какъ дворянство, земледѣльцы и т. д.; сословіе это, достойное уваженія во всѣхъ странахъ, даетъ примѣры личностей весьма почтенныхъ и способно оказать великія услуги своей странѣ; мое же мнѣніе таково, что разъ ужъ дѣло идетъ о предписаніи установленій, то въ виду изложенныхъ мною причинъ, младшіе члены семьи должны быть лишены возможности избирать себѣ занятіемъ торговлю. Прибавлю еще, что Англія, на которую ссылаются, не можетъ служить примѣромъ, ибо она принадлежитъ къ числу исключеній: ея географическое положеніе дѣлаетъ изъ нея торговую страну, а это мѣняетъ взглядъ на вопросъ, чему подтвержденіемъ служить то, что хотя во Франціи *до революціи*, въ Германіи, а можетъ быть и еще гдѣ нибудь (я этого не знаю) младшіе сыновья, при раздѣлѣ, получаютъ тоже, что въ Англіи, почти не бываетъ, чтобы дворянинъ занялся торговлей, но очень часто дворяне становятся въ ряды духовенства. Въ этомъ, какъ и въ каждомъ подобномъ вопросѣ, нельзя дѣлать обобщеній; можно сказать: *такая-то вещь подходитъ для такой-то страны, тамъ она хороша*; но: *потому что это хорошо для такой-то страны, нужно это принять за общее правило*—такой способъ сужденія неправиленъ.

*

Царское Село, 22 (4 Октября) 1820.

Хотя многіе, изъ любви ли, или изъ трусости, боятся для Сѣвера политической эпидеміи Юга, дерзаю смѣло сказать, что у насъ нѣтъ такого рода опасности. Я знаю Россію чувствомъ, а такъ какъ симпатизирующіе понимаютъ другъ друга съ полуслова, это чувство никогда меня не обманывало.

*

Петербургъ, 20 Октября (1 Ноября) 1820.

Навѣрно, до васъ дойдутъ преувеличенные слухи о событіи, которое случилось на дняхъ и которому отсутствіе Государя придало бѣльшее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Въ Семеновскомъ полку произошло волненіе противъ одного полковника, своимъ поведеніемъ вызвавшего неповиновеніе. Къ дѣлу сначала отнеслись, быть можетъ, строже, чѣмъ слѣдовало, и это вызвало взрывъ, посерьезнѣе первоначальнаго. Полкъ разсѣяли и разослали по разнымъ крѣпостямъ, чѣмъ все и кончилось. Но толки остались: шумъ, который поднимутъ по этому поводу въ Европѣ, разрастается, и я не удивлюсь, если въ чужихъ краяхъ будутъ говорить, что здѣсь была революція наподобіе южныхъ странъ. Дорогая матушка, не вѣрьте этому слуху, и, если будете имѣть случай, оспаривайте его. Во всемъ этомъ не было и тѣни политики; не смотря на справедливое и личное недовольство противъ этой личности, солдаты вели себя удивительно сдержанно. Подобныя вещи, довольно частыя во всѣхъ арміяхъ, тотчасъ успокаиваются и забываются, если сумѣютъ избѣжать взрыва. Въ данномъ случаѣ молва хуже самой бѣды.

Вы спрашиваете у меня объясненій относительно Карамзина и такъ добры, говоря, что онъ васъ интересуеъ, потому что, видимо, предавъ мнѣ. Я, дѣйствительно, вѣрю въ дружеское съ его стороны отношеніе, которое онъ выказываетъ при всякомъ случаѣ. Прежде всего, онъ честный и порядочный человѣкъ, а затѣмъ—Русскій исторіографъ. Съ молодости онъ былъ извѣстенъ какъ писатель и только въ первые годы царствованія Государя получилъ званіе исторіографа, и ему поручено написать исторію Россіи. Раньше на Русскомъ языкѣ было мало трудовъ по исторіи, которые бы читались съ удовольствіемъ; были хроники, отрывки или плохо написанныя книги. Карамзинъ первый далъ Русской литературѣ хорошо составленную исторію Россіи. Она уже переведена на Французскій и Нѣмецкій языки, не смотря на то, что авторъ работаетъ еще надъ послѣдними томами. До 1816 года я знала только автора, но никогда не видѣла самого Карамзина. Къ этому же времени онъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы печатать свое сочиненіе. Государь, познакомившись съ нимъ въ Твери, гдѣ онъ часто бывалъ у великой княгини Екатерины, въ первое же лѣто пригласилъ его жить въ Царскомъ Селѣ. Съ тѣхъ поръ онъ проводитъ тамъ каждое лѣто и благодаря этому, главнымъ образомъ, произошло наше знакомство. Онъ женатъ и имѣетъ большую семью; жена его женщина умная и достойная. Есть дочь отъ перваго брака, уже около года состоящая фрейлиной. По всему этому семья весьма почтенная.

*

Петербургъ, 10 (22) Ноября 1820.

Дорогая матушка, кажется, я уже сообщала вамъ, или, по крайней мѣрѣ, Амаліи, о томъ, что Валуева совершенно отвергла мое предложеніе поѣхать жить съ матерью: она находитъ это слишкомъ зауряднымъ и въ случаѣ, если бы покинула меня, ей уже нужно что нибудь болѣе блестящее, чѣмъ положеніе дочери, хорошо устроенной въ родительскомъ домѣ. Долгое время спустя послѣ моего предложенія, она образумилась. Однажды, по собственному побужденію, ей захотѣлось доказать мнѣ, что она была права, а я нѣтъ (съ этого она, вѣдь всегда начинается); но я говорила съ ней твердо и рѣзко, и съ тѣхъ поръ она такая, какъ я того требую. Здѣсь вижу ее рѣдко. Къ несчастью, она изъ тѣхъ характеровъ, которые не слѣдуетъ баловать, и я нашла отвѣтъ, всегда зажимающій ей ротъ: „если вы при мнѣ чувствуете себя несчастною, если мой характеръ вамъ не нравится, удалитесь отъ меня; хорошъ ли, дуренъ ли мой характеръ, я не измѣню его для васъ. Другіе находятъ, что можно жить при мнѣ; если вы захотите примѣняться, буду весьма рада“. Быть можетъ, вы найдете мою рѣчь нѣсколько надменной, но это—единственно, чтò зажимаетъ ей ротъ.

*

Петербургъ, 8 (20 Декабря) 1820.

Дорогая матушка, не зная чтò сообщить вамъ новаго, расскажу о своемъ чтеніи, которое меня очень занимаетъ. Это рукопись дневника секретаря императрицы Екатерины, пользовавшагося ея милостіями: въ немъ онъ день за днемъ отмѣчаетъ все, чтò дѣлалъ по ея приказанію, все чтò слышалъ и чтò происходило болѣе примѣчательнаго. Дневникъ очень кратокъ, въ родѣ дневника маркиза Данжд, съ тою разницей, что касается болѣе занимательныхъ предметовъ. Написанъ онъ на Русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ многими Французскими фразами. Такъ какъ дневникъ кончается только 1793 годомъ, то въ немъ упомянуто о моемъ пріѣздѣ и о лестныхъ обо мнѣ отзывахъ императрицы. Между прочимъ, въ видѣ простаго замѣчанія, она сказала (по французски): „ей тринадцать лѣтъ, и она уже возмужалая“. Вѣроятно, меня уже въ живыхъ не будетъ въ то время когда, быть можетъ, это будетъ печататься: поэтому мнѣ это, въ сущности, безразлично; но въ данное время мнѣ не совсѣмъ пріятно, что тотъ, кто одолжилъ мнѣ эту рукопись, тотъ, отъ кого онъ ее имѣетъ и, наконецъ, всѣ тѣ, черезъ чьи руки она прошли, прочли эти подробности. Признаюсь, я всегда люблю возвращаться къ царствованію императрицы Екатерины и, хотя застала его всего четыре года, будучи въ

томъ возрастѣ, когда мало размышляютъ, эта эпоха осталась для меня образцомъ, формой, которая невольно служила для меня мѣриломъ. Было у нея много слабостей, были вѣроятно, недостатки, но никто не постигъ какъ она, *искусства царствовать*.

*

Петербургъ, 21 Января (2 Февраля) 1821 г.

Я бы очень желала, чтобы бѣдная графиня Уварова уже была въ числѣ оправившихся послѣ родовъ: напротивъ, она все еще въ ожиданіи этой непріятной минуты, и я не могу не беспокоиться за нее. Поэтому ѣзжу къ ней насколько могу чаще. Я у нея совершенно не стѣсняюсь: тамъ только ея мужъ, любящій бесѣдовать и хорошо говорящій.

*

Петербургъ, 9 (21) Февраля 1821.

Меня надолго прервалъ Карамзинъ, пріѣзжавшій сообщить о бывшихъ въ эту ночь родахъ его жены; съ нимъ нѣтъ возможности имѣть краткій разговоръ: онъ распространяется въ продолженіи получаса, хотя по природѣ молчаливъ. Дорогая матушка, если бы я сказала это кому нибудь другому, а не вамъ, передъ которою я громко думаю, это было бы коварствомъ, потому что добрый Карамзинъ выказываетъ трогательную ко мнѣ привязанность.—На этихъ дняхъ улеглась моя сильная тревога за исходъ родовъ графини Уваровой. Въ Понедѣльникъ она родила дочь, благополучно, но не легко и, какъ всегда, при помощи инструментовъ; но и она и ребенокъ здоровы.

Карамзинъ меня уморилъ, продержавъ болѣе получаса на ногахъ, при довольно сильной головной боли. Если бъ я сѣла, это длилось бы еще дольше.

*

Петербургъ 16 (28) Апрѣля 1821.

Это время пользуюсь свободными послѣобѣденными часами, чтобы дочитать другой томъ рукописи дневника секретаря императрицы Екатерины. Чтеніе это крайне меня занимаетъ, хотя и удручаетъ часто. Какъ многое въ этой частной жизни вредитъ очарованію, которымъ великая женщина была окружена какъ воздухомъ! Въ свое время все это было извѣстно, и тѣмъ не менѣе это не вредило ея могуществу надъ умами и въ дѣлахъ. Вчера, на примѣръ, я нашла одно мѣсто, гдѣ она жалуется своему лакею на холодность и разсѣянность своего любимца. Будучи одна, я вскрикнула: „возможно ли это!“ и, кажется, покраснѣла.

*

Царское Село, 6 (18 Мая) 1821.

Только что я порадовалась свободному времени, какъ несносный человекъ прервалъ его: все тотъ же добрый Карамзинъ, немного походящій на муху, преслѣдующую меня по пятамъ. Вчера и онъ сюда переѣхалъ, а сейчасъ былъ у меня. Тысячу разъ, въ разговорѣ, я жаловалась ему на докучливыхъ нарушителей моей свободы въ утренніе часы; говорила, какую цѣну придаю я тому, чтобы они всецѣло мнѣ принадлежали; и, тѣмъ не менѣе, при первой возможности, онъ же нарушаетъ эту свободу. Это показываетъ большой недостатокъ такта, и такова ужъ моя судьба—жить съ людьми, не имѣющими его.

*

Царское Село, 27 Мая (8 Іюня) 1821.

....Я вѣрю, что Валугева соизволила быть въ хорошемъ расположеніи духа въ послѣднемъ письмѣ къ г-жѣ Фрейштетъ: эту зиму она была очень кротка, проводя у меня почти всѣ вечера въ чтеніи, что продолжала и здѣсь; ну, и что же? Несмотря на это, стоило ей очутиться въ присутствіи Саблуковой, теперешняго предмета ея отвращенія, подобно тому какъ когда-то имъ была графиня Эдлингъ, какъ она снова пришла въ дурное настроеніе, и недавно у насъ съ нею была опять сцена, которая *должна быть послѣднею*, или я приму дѣйствительныя мѣры. Впрочемъ, я ей не потворствую, и на дняхъ, какъ только она вернулась къ скучному вопросу о моемъ предпочтеніи Саблуковой, я ей сказала напрямикъ: „будьте увѣрены, что я не люблю ни васъ, ни княжну Волконскую, ни Саблукову, ни Питтъ; всѣ вы имѣете достоинства, которымъ я отдаю должную справедливость, но ни одна изъ васъ *не близка* моему сердцу; оно одиноко среди васъ, и вы могли бы это знать черезъ тѣхъ, къ кому сердце мое лежитъ и кому я жалуясь на это одиночество“. Не знаю, успокоило ли это ее относительно предмета ея зависти; но съ нею надо поступать именно такъ, потому что у нея умъ слишкомъ узкій, а характеръ чрезчуръ страстный, чтобы можно было надѣяться, что ее озаритъ собственный ея разумъ.

*

Царское Село, 30 Декабря 1821 (11) Января 1822.

.... Сегодняшній день прошелъ очень пріятно и спокойно. Погода была мягкая; утромъ я съ удовольствіемъ ходила гулять, а затѣмъ, послѣ обѣда до сумерокъ, каталась въ саняхъ съ Государемъ, послѣ чего ему захотѣлось, чтобы я осталась у него въ кабинетѣ, и пока онъ занимался дѣлами, я читала и писала (включая сюда, од-

нако, всегда пріятное время чая). Я вдвойнѣ наслаждалась пріятною тишиной, говоря самой себѣ, что избавилась отъ сегодняшняго бѣда у великаго князя Николая, на которомъ иначе непременно мнѣ приходилось быть. Не то, чтобы я не любила удовольствій, но, признаюсь, лично я отъ баловъ выношу только утомленіе и досадную пустоту, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ трудно *выбрать* себѣ общество, которое лучше всего можетъ меня отвлечь отъ удовольствія танцовать, а тамъ чаще всего такъ и бываетъ.

*

Петербургъ, 27 Февраля (11) Марта 1823.

Посѣтитель, котораго я ждала, доставилъ мнѣ единственное хорошее чувство, испытанное сегодня. То былъ несчастный, вѣрнѣе счастливый, безрукій Рейтернъ, котораго вы, вѣрно, помните, дорогая матушка. Я еще не видала человѣческаго существа, болѣе преисполненнаго признательности и болѣе растроганнаго ею. Онъ уже три года женатъ, отецъ двухъ маленькихъ дочерей и, въ сердечномъ отношеніи, счастливѣйшій изъ смертныхъ. Но, вѣроятно, онъ слишкомъ добръ, чтобы подвергать свое сердце опасности полнаго счастія, и потому здоровье его совершенно разстроено: измѣнился онъ страшно и, дабы сохранить жизнь, ему предписано уѣхать изъ отчизны надолго, если не на всегда. Около трехъ лѣтъ онъ живетъ въ Лифляндіи, но, то болѣзни, то роды жены, мѣшали ему пріѣхать сюда: теперь онъ буквально *дотащился* сюда на недѣлю, только для того, чтобы представить мнѣ свою жену, на очень долго проститься со мною и въ послѣдній разъ выразить мнѣ свою признательность: онъ уѣдетъ возможно скорѣе въ Италію. Когда въ ближайшемъ кругу встрѣчаешь только ледъ и шипы, охотно останавливаешься на болѣе утѣшительныхъ чувствахъ, которыя находишь внѣ этого круга, въ чуждой сферѣ, хотя и менѣе чуждой, чѣмъ та, которая окружаетъ.

*

Каменный Островъ, 13 (25) Іюня 1823.

Государь говорилъ мнѣ о Филиппѣ Гомбургскомъ, увѣряя, будто, въ Неаполѣ онъ питаетъ такую страсть къ молодой графинѣ Тизенгаузенъ, сестрѣ г-жи Фикельмонъ, что даже думалъ на ней жениться*). Слышали ли вы объ этомъ, дорогая матушка? Говорятъ, эти дамы прелестны; недавно онѣ пріѣхали сюда съ своей матерью, Хитрово.

*) Это внучка князи Кутузова, достопочтенная графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузенъ, дожившая дѣвницею въ Зимнемъ дворцѣ до глубокой старости. П. Б.

которая вторично овдовѣла (вы слышали какъ она декламировала у меня въ 1801 году, будучи еще Лизой Кутузовой¹⁾).

Сама я ихъ не видѣла; но всѣ, видѣвшіе обѣихъ дамъ, говорятъ, что онѣ вполне подтверждаютъ молву о нихъ. Не смотря на это, мнѣ не вѣрится, чтобы Филиппъ когда нибудь вздумалъ жениться на младшей. Признаюсь, у меня было бы нѣсколько злорадное чувство удовольствія, еслибъ это было такъ и если бы, въ концѣ концовъ, онъ женился на *Русской*, онъ, показывающій отвращеніе и даже презрѣніе ко всему Русскому.

*

Каменный Островъ, 27 Мая (8) Іюня 1824.

Вы сообщаете мнѣ о смерти Байрона. Какъ вы и предполагали, эта смерть меня поразила и навѣяла на меня печаль, какую всегда испытываешь при исчезновеніи изъ этого міра ума, создавшаго нѣчто прекрасное въ какомъ бы то ни было отношеніи: а, вѣдь, нельзя отнять у Байрона, что онъ обогатилъ Англійскую словесность прекраснѣйшими произведеніями. Поэтому безнравственность его всегда сокрушала меня вдвое больше, чѣмъ въ комъ нибудь другомъ. Когда творять прекрасное, чувствуютъ его, а чувствуя *прекрасное* становятся такъ близко къ *добрѣ*, что крайне огорчительно видѣть, что удаляются отъ него. Въ стихотвореніяхъ Альфонса Ламартина есть отличное посланіе къ Байрону, которое я съ удовольствіемъ прочла нѣсколько разъ, потому что оно, видимо, вызвано тѣмъ же чувствомъ сожалѣнія, какое я испытывала къ нему. Это заставило меня недавно утверждать противъ Государя то, чему я дѣйствительно вѣрю, а именно, что Байронъ былъ человѣкъ, сбившійся съ пути, но *не дурной по существу*. Присматриваясь къ людямъ, иногда имѣешь возможность видѣть эту разницу.

*

Петергофъ, 23 Іюля (3 Августа) 1824.

Вы хотите знать, какое именно доказательство дружбы дала мнѣ Елена²⁾. Хотя у меня мало времени для письма къ вамъ съ курьеромъ, который придетъ за нимъ завтра, но возможность сказать лестное объ Еленѣ слишкомъ для меня пріятна, чтобы я не удовлетворила вашего любопытства въ этомъ отношеніи. Пять или шесть недѣль тому назадъ Государь испыталъ большое горе: онъ потерялъ единственную дочь,

¹⁾ Графиня Елисавета Михайловна Кутузова (р. 1783 г. † 1839 г.), дочь князя М. И. Кутузова-Смоленскаго, въ 1-мъ бракѣ за графомъ Ф. П. Тизенгаузеномъ, во 2-мъ — за Н. Ф. Хитрово. Старшая дочь ея за гр. Фигельмонъ П. Б.

²⁾ Т. е. великая княгиня Елена Павловна П. Б.

оставшуюся у него отъ связи съ Нарышкиной, молодую дѣвуху на девятнадцатомъ году. Послѣ долгаго отсутствія въ чужихъ краяхъ, прошлую осенью мать и дочь приѣхали сюда. Молодая дѣвуха была уже болѣзненною, и вдругъ, этой весной, у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, перешедшее въ скоротечную чахотку. Съ самаго начала ея болѣзни Государь высказывалъ мнѣ опасенія (по этому поводу онъ всегда говорилъ со мной довѣрчиво, за что я была ему очень признательна). Горькое испытаніе поразило его на другой же день его первой поѣздки въ Красное Село. Въ самое утро первыхъ маневровъ Вилье не постѣснился сказать ему объ этомъ въ ту минуту, какъ онъ садился на лошадь. Государь не смогъ скрыть своего горя, и это придадо большую гласность тому, что иначе могло бы быть перенесено, можетъ быть, съ меньшей горечью.

Желая самъ сообщить мнѣ о своемъ горѣ, онъ написалъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ. Елена была въ Красномъ Селѣ, а потому узнала и о прошломъ, и о событіи того дня; до этого же времени она рѣшительно ничего не знала ни о томъ, ни о другомъ. Легко возбуждаемая, она сильно взволновалась, написала мнѣ письмо и отправила его въ полночь. Письмо написано съ большою тревогою, причину которой она, однако, мнѣ не сообщала. Хотя я и подозрѣвала въ чемъ дѣло, но не рѣшилась обнаружить своихъ догадокъ, не зная, была ли она обо всемъ освѣдомлена или нѣтъ; я же ни за что на свѣтѣ не хотѣла первая сообщить ей о томъ. И такъ на слѣдующій день я отвѣтила ей, что огорчена ея безпокойствомъ и боюсь, что ее приводятъ въ такое состояніе обстоятельства, лично ея касающіяся. На другой день получаю отъ нея трогательное письмо, полное заботы и опасеній лишиться моей дружбы; она, однако, писала, что *охотно подвергаетъ себя этому ради моей пользы, что она видитъ мое невпдѣніе объ утратѣ Государя, тогда какъ мнѣ, больше чѣмъ кому другому, необходимо быть освѣдомленной объ этомъ, такъ какъ дѣло касается самаго дорогого для меня, и все это—въ перемежку съ извиненіями; а въ концѣ она говоритъ, что если я найду плохимъ то, что она мнѣ говоритъ и лишу ее своей дружбы, она черезъ то потеряетъ все на свѣтѣ!* Письмо это горячо меня тронуло, а поступокъ ея далъ мнѣ понятіе о ея разсудительности и о прямотѣ ея души. Я отвѣтила ей со всею отзывчивостію моего сердца, сказавъ, что мнѣ все извѣстно отъ самого Государя.

Развѣ это не прелестно, въ 17-ть лѣтъ? Никогда я этого не забуду! Я рассказала обо всемъ Государю, который тоже былъ этимъ тронутъ. Когда я, послѣ того, увидѣлась съ Еленой, она сказала мнѣ: „Ты не можешь себѣ

представить, какъ я мучилась! Мнѣ было до того горько думать, что въ Царскомъ Селѣ ты единственная не знаешь о томъ, что происходитъ, тогда какъ могутъ быть личности, радующіяся твоему незнанію и твоей невозможности выказать Государю сочувствіе“. Вотъ вамъ моя повѣсть; очень рада, что могла вамъ повѣдать ее къ чести своей милой Леночки. Весьма желала бы имѣть возможность никогда не сообщать вамъ ничего, кромѣ подобнаго, объ императорской фамиліи, но увы! это первое доказательство дѣйствительной дружбы, которое я получаю отъ члена этой семьи.

*

Царское Село, 18 (30) Августа 1824.

Великій князь Николай и его жена совершили очень тяжелый переѣздъ: изъ Кронштадта въ Доберанъ они ѣхали семнадцать дней со всевозможными непріятностями, но вполне безопасно, потому-де, что на такомъ линейномъ кораблѣ какъ тотъ, на которомъ они отправились, опасности быть не можетъ. Небо милостиво, не слишкомъ ихъ балуя, ибо семья все дѣлаетъ для этого. Не было никакой необходимости въ поѣздкѣ: это была затѣя Александры. Государь ее оплачиваетъ; но, такъ какъ Николай очень любитъ деньги, то стоимость сухопутнаго путешествія онъ кладетъ себѣ въ карманъ. Государь же былъ такъ добръ, что сверхъ того приказалъ снарядить для ихъ переѣзда корабль. Это большое злоупотребленіе. За то и путешествіе ихъ не нравится обществу.

*

Петербургъ, 7 (19) Ноября 1824.

Пишу вамъ среди ужасающаго бѣдствія, не зная даже, можетъ ли мое письмо быть отправлено завтра, такъ какъ мы въ Зимнемъ Дворцѣ какъ на кораблѣ. Въ нѣсколько часовъ времени Нева всюду выступила изъ береговъ; нельзя даже предположить существованія набережной и ограды; сильнѣйшія волны разбиваются о дворецъ. Наше поклоніе ничего подобнаго не видѣло; но, говорятъ, въ 1777 году вода поднималась еще на одинъ футъ выше: въ то время было меньше каналовъ и набережныхъ, что и могло служить тому причиной. Однако и нынѣшнее зрѣлище достаточно тяжело и прискорбно. Всѣ плувучіе мосты поломаны, отъ устья рѣки выбросило барки съ сѣномъ, такъ что онѣ очутились за дворцомъ, на нихъ были люди, которымъ грозила великая опасность. Государь послалъ туда большую шлюпку, всегда стоящую передъ дворцомъ, я же умираю отъ страха, какъ бы онъ изъ прекраснаго чувства человѣколюбія не захотѣлъ самъ сѣсть въ шлюпку! Слава Богу, онъ и не думалъ этого дѣлать; но какъ только увидели его шлюпку, другіе, боявшіеся опасности, тоже двинулись;

по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что благодаря этому никто на разбитыхъ баркахъ не погибъ. Мнѣ кажется, уже около часа, какъ вѣтеръ стихаетъ: дай-то Богъ! Но мы отрѣзаны и до завтра лишены какого бы то ни было сообщенія. Зрѣлище, которое представляло собою разрушеніе, ужасно; это хуже огня, такъ какъ здѣсь ничѣмъ нельзя помочь. Когда вода спадетъ, окажутся слѣды бѣдствій. Престранно, что въ письмѣ отъ 21 Октября (2 Ноября), которое я получила вчера, и въ предъидущемъ, вы говорите тоже о несчастіяхъ отъ наводненія. Цѣлую ваши ручки, дорогая матушка, за письмо, которое я получила вчера вечеромъ, ложась спать и не подозрѣвая, какое утро мнѣ придется пережить.

7 ч. вечера.

Слава Богу, вода значительно убыла, Нева вернулась въ свое ложе, но оставленная ею вода все затопила. Вѣтеръ все еще очень сильный; онъ перемѣнилъ направленіе, и это позволило водѣ упасть. Благодаря этому событію, Мари и ея братья *) будутъ ночевать у меня. Они пріѣхали между одиннадцатью и двѣнадцатью часами навѣстить великихъ княгинь, но пока они были во дворцѣ, вода до такой степени поднялась, что ихъ отѣздъ былъ уже немислимъ: изъ ожидавшихъ у дворца каретъ всѣ лошади были выпряжены и отведены въ корридоры, превратившіеся, такимъ образомъ, въ конюшни, а иначе онѣ бы утонули у дворцоваго подъѣзда. Вы можете себѣ представить, какъ высока была вода! Оказывается, она была на два пальца выше, чѣмъ въ 1777 году, то-есть выше чѣмъ когда-либо со времени существованія Петербурга.

*

Царское Село, 10 (22) Іюля 1825.

Мой пріятель Башкиръ, начальникъ всѣхъ Башкиръ, находящихя здѣсь для приготовленія *кумиса*, съ которымъ я имѣла сегодня утромъ длинную бесѣду, наивно сказалъ мнѣ: „*Вы больны, потому что умны и слишкомъ много думаете, и это дѣлаетъ васъ больною. А затѣмъ, вамъ даютъ лѣкарства, отъ которыхъ вы еще больше болѣете*“.

*

Таганрогъ, 12 (24) Октября 1825.

Мнѣ думается, что еще одна изъ моихъ фрейлинь, графиня Эдлингъ, могла бы пріѣхать ко мнѣ изъ Одессы, куда она должна была вернуться. Но, если бы даже ей этого хотѣлось, у нея есть соображеніе, которое удержитъ ее отъ этого, а именно: Государь пересталъ выказывать ей чрезмѣрную доброту, которою она нѣкогда злоупотребляла.

*) Кто это, не знаемъ. П. Б.

*

Таганрогъ, 5 (17) Декабря 1825.

Матушка, могли ли вы ожидать, что первое выраженіе сочувствія, которое я получила, было отъ великаго князя Константина! Благодарю за это Провидѣніе и дивлюсь путямъ Его. Константинъ, безспорно, есть то существо, которое изъ всей семьи прекрасный его братъ любилъ больше всѣхъ, и это вполне естественно: съ самаго ранняго дѣтства они всегда воспитывались вмѣстѣ. Мнѣ сладостно и дорого получить отъ него письмо, полное выраженій сочувствія и дружбы, тѣмъ болѣе, что получено оно только отъ *его брата*, а не *отъ приемника ея*.

*

Таганрогъ, 17 (29) Декабря 1825.

Графиня Строганова*) даетъ мнѣ великое доказательство дружбы, стремясь сюда изъ Петербурга въ такое время года. Она должна пріѣхать въ первый день праздника. Вчера и третьяго дня я даже за нее беспокоилась: былъ страшный ураганъ, опасный въ степи.

Я цѣню все, что она для меня дѣлаетъ; быть можетъ, ея присутствіе принесетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, хотя, пока, еще сомнѣваюсь въ этомъ. Графиня Эдлингъ примчалась изъ Одессы и хочет меня видѣть. Отъ этой не будетъ мнѣ никакого облегченія, она меня только стѣснить, но отказать ей нельзя.

*

Таганрогъ, 21 Декабря 1825 (2) Января 1826.

На дняхъ видѣла графиню Эдлингъ. Я думала, что она будетъ меня стѣснять, но нѣтъ, она такъ умѣетъ подойти съ правильной стороны, что ни задѣла меня, ни стѣснила.

*

Таганрогъ, 10 (22) Февраля 1826.

Вы спрашивали, знала ли я объ отреченіи великаго князя Константина. Да, я знала, что онъ уже давно о немъ объявилъ, знала въ свое время и то, что обнародованныя теперь письма дѣйствительно были написаны. Но вмѣстѣ со многими я думала, что когда время придетъ, онъ не исполнитъ того, что говорилъ. *Будучи уверена, что не увижу сей жестокой минуты*, я мало объ этомъ думала и не знала, что существуетъ актъ, облеченный въ столь строго-законную форму. Мой Государь считалъ, что всѣ затрудненія, связанныя съ неизвѣстностью престолонаслѣдія имъ предотвращены; всю же бѣду вы-

*) Графиня Софья Владимировна, рожд. княжна Голицына. П. Б.

звала поспѣшность *Николая*, которую хочу приписать только излишнему его усердію. Онъ зналъ о существованіи формальнаго акта*); кромѣ того, нѣсколько часовъ спустя по прибытіи печальнаго извѣстія, Совѣтъ вскрылъ копію акта, хранящуюся въ Сенатѣ. Слѣдовало не торопиться съ приведеніемъ къ присягѣ Константину; но, какъ Николай дѣйствовалъ стремительно, то Совѣтъ потерялъ голову и, казалось, будто смѣются надъ присягами. Мнѣ было извѣстно, какое это произвело впечатлѣніе на многихъ. Нѣкоторые говорили: „какъ же мы можемъ давать двѣ присяги, притомъ произносить вторую, не будучи освобождены отъ первой?“ Поэтому и полкъ, возставшій первымъ, ошибся, думая, что партія, благопріятствующая Николаю, хотѣла захватить власть надъ Константиномъ, котораго они считала законнымъ государемъ. Странно, что вообще государемъ предпочитали имѣть Константина. Свидѣтель-очевидецъ, имѣющій возможность судить о видѣнномъ, говорилъ мнѣ, что если бы въ этотъ день, 14-го Декабря, не поспѣшили приказать стрѣлять въ бунтовщиковъ, то еще нѣсколько полковъ готовы были къ нимъ присоединиться. Но, великій Боже! Что за начало царствованія, когда первый сдѣланный шагъ—приказъ стрѣлять картечью въ подданныхъ! Говорятъ, Николай это почувствовалъ и, уже отдавъ приказъ, ударилъ себя въ лобъ, говоря: „какое начало!“ Дай Богъ, чтобы это чувство оставило въ немъ глубокій слѣдъ. Это можетъ быть для него полезно. Да, матушка, вы правы, будь онъ живъ, никогда бы этотъ заговоръ не вспыхнулъ; онъ внушалъ имъ слишкомъ большой страхъ и сумѣлъ бы подавить заговоръ, въ этомъ всѣ убѣждены. Ему былъ извѣстенъ этотъ планъ безмозглыхъ (не могу иначе смотрѣть на это), который далеко еще у нихъ не созрѣлъ. Онъ слѣдилъ за его нитями и быстро бы пресѣкъ ихъ безъ того (въ этомъ я увѣрена), чтобы кто либо о томъ подозрѣвалъ, кромѣ посвященныхъ въ дѣло чиновниковъ. Какой-то полковникъ долженъ былъ быть первымъ консуломъ, другой—генералиссимусомъ и т. д.; было что-то вродѣ дѣтской игры, и никогда бы у нихъ не достало храбрости проявить себя. Онъ, настоящій *Ангелъ мира*, нѣкоторыхъ самъ журилъ за ихъ поведеніе, доводя ихъ до слезъ, какъ, напримѣръ, шурина князя Волконскаго, младшаго брата его жены, который теперь тоже замѣшанъ. Съ одной стороны *душа и умъ*, руководящіе ходомъ всего этого, уже не тѣ; съ другой стороны, теперь *увидали* что можно предпринять. Много помѣшавшихся семействъ и отдѣльныхъ личностей. Не знаю, что со всѣмъ этимъ будетъ. Задача

*) Въ Прусскомъ придворномъ календарѣ съ самаго 1818 года, при имени старшей дочери короля, печаталось, что она за „наслѣдникомъ Русскаго престола“. П. Б.

Николая очень трудна. Промыселъ Божій жестоко насъ поразилъ. Не въ первый разъ жалкіе безумцы осмѣлились тогда объявить, что хотятъ посягнуть на *его* жизнь; это было въ родѣ похвалы: никогда на него не дѣлали покушенія и никогда бы этого не посмѣли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ показывалъ мнѣ захваченное письмо одного молодого человѣка, исключеннаго изъ Пажескаго корпуса за дурное поведеніе, который хвастался передъ товарищемъ, что отомститъ за это покушеніемъ на жизнь Государя. Это было въ то время, когда появились первые зачатки этихъ неоднократно закрывавшихся и уничтожавшихся обществъ, послѣдствіемъ коихъ и есть все то, что теперь происходитъ. Но, повторяю, еслибъ онъ былъ живъ, никогда бы это не вспыхнуло. Доказательствомъ тому служить письмо одного изъ вожаковъ, перехваченное въ тѣхъ мѣстахъ, т. е. въ Курскѣ (сюда это не дошло), въ которомъ говорится: „Нѣтъ больше Александра. Вотъ бы теперь дѣйствовать, да планъ еще не созрѣлъ!“ Если бы планъ уже созрѣлъ, онъ, при его мудрости и искусствѣ, зная весь ходъ дѣла, быстро бы его пресѣкъ. Нѣтъ, не могу я признать, какъ о томъ тубятъ, будто государство было въ опасности. Ему угрожала самая большая опасность въ то время, когда кончалась *его* жизнь: вотъ что угрожало государству, вотъ что подняло на его горизонтѣ тучу, которая и теперь еще не разсѣяна, а будь онъ живъ, не было бы никакой опасности, всѣ могли бы спать спокойно: онъ бодрствовалъ, онъ работалъ за всѣхъ. Благодарю васъ за то, что прислали мнѣ копію съ письма императора Николая. Оно, какъ и все прочее, благонамѣрено, но плохо выражено: слишкомъ много утверждать, что я найду *душевный покой* и *утпшеніе* въ ихъ семьѣ, какъ и вообще я нахожу, что говорить вамъ *о моей будущности* значитъ не имѣть тонкости чувствъ: это имѣетъ видъ, будто васъ увѣряютъ, что не оставятъ меня умереть съ голоду. Мнѣ всегда хочется сказать: „пусть говорятъ за себя поступки, вы же не объявляйте ничего!“ Какъ то же, напримѣръ, въ своихъ манифестахъ Николай объявляетъ, „что его царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія его брата“. Легко это сказать, но трудно исполнить, особенно когда характеры столь различны!

Вы хотите, чтобы я назвала вамъ адъютантовъ, которые пріѣхали въ Таганрогъ. Изъ нихъ вамъ извѣстевъ, кажется, только князь Андрей Голицынъ¹⁾, котораго вы видѣли въ Брукзалѣ въ 1814 году, и князь Долгорукій, бывший въ то время адъютантомъ при графѣ Виттгенштейнѣ; но; вѣроятно, вы ихъ не помните. Остальные: два Строгановы, графъ (зять графини Строгановой) и баронъ, его братъ²⁾, другой князь Голицынъ,

¹⁾ Братъ Татьяны Борисовны Потемкиной.

²⁾ Сергій и Александръ Григорьевичи.

тоже зять гр. Строгановой, гр. Самойловъ, Кокоскинъ, Шкуринъ, Плаутинъ и князь Никита Волконскій¹⁾, не адъютантъ, а свитскій генераль, тоже шуринъ князя Петра. Они не получили *повелѣнія* ѣхать сюда; наоборотъ, въ теперешнее время междуцарствія очень затруднительно получить на это даже *разрѣшеніе*, и никто не былъ назначенъ быть во главѣ сопровождающихъ погребальное шествіе. Назначили, было, князя Трубецкого, генераль-адъютанта²⁾ но оказалось, что онъ заболѣлъ, настолько не серьезно однако, что вслѣдъ за этимъ могъ поѣхать въ Берлинъ съ порученіемъ оповѣстить (о воцареніи).

Изъ генераль-адъютантовъ здѣсь былъ только, примчавшійся сюда, гр. Ламбертъ, но, такъ какъ онъ иностранецъ и иновѣрецъ, нельзя было возложить на него это порученіе.

Въ письмахъ изъ Петербурга торопили отъѣздъ отсюда, не подумавъ о томъ, что никого не было для сопровожденія, и вдругъ, почти за день до назначеннаго срока, князь Волконскій вспомнилъ о генераль-адъютантѣ гр. Орловѣ-Денисовѣ, командующемъ корпусомъ на ближайшемъ отсюда разстояніи, гдѣ бы можно было найти генераль-адъютанта. (Онъ казакъ и долго командовалъ казаками гвардіи, Амалия знаетъ его хорошо). И такъ, князь Волконскій, отъ моего имени, просилъ его пріѣхать взять на себя эту должность, что было принято имъ со всѣмъ усердіемъ, смѣю сказать, со священною радостью, подобающе такому почетному порученію, которое онъ и исполнялъ до сихъ поръ.

Между мною и Николаемъ нѣтъ ни довѣрія, ни задушевной дружбы. Онъ совершенно отъ меня отдалился со времени своей женитьбы, а наоборотъ, будь у него чувство дружбы, онъ могъ бы быть ко мнѣ ближе, становясь самостоятельнымъ. Объяснялъ онъ это необходимостью *щадить свою мать*, которая, говорилъ онъ, неохотно смотрѣла на то, чтобы со мной были хороши онъ и Михаилъ. Не говоря уже о томъ, насколько такое возраженіе лживо и оскорбительно для императрицы-матери; если это существовало тогда, то существуетъ и теперь еще и не можетъ сдѣлать мое пребываніе въ ихъ семьѣ пріятнымъ въ то время, когда нѣтъ дорогого мнѣ существа, подъ покровительствомъ котораго я жила, того, кто однимъ дружескимъ словомъ могъ вознаградить меня за все и заставить забыть всякую непріятность; но этого существа нѣтъ больше на свѣтѣ. Когда, послѣ моихъ *семейныхъ дней*, какіе иногда бывали, мы оставались съ нимъ одни, обмѣниваясь взглядами,

¹⁾ Супругъ княгини Зинаиды.

²⁾ Это князь Василій Сергѣевичъ П. Б.

мы понимали другъ друга; испытанное мною стѣсненіе вознаграждалось *ею* непринужденностью, отъ которой мнѣ бывало такъ хорошо! Дружеское пожеланіе покойной ночи, причемъ я всегда цѣловала его сначала въ обѣ щеки, а потомъ въ лобъ, заставляло меня забыть все, что я могла испытать непріятнаго за день.

Будьте на мой счетъ совѣмъ покойны и увѣрены, что я приложу всѣ старанія, чтобы ни въ чемъ не нарушить своего долга, ни во внѣшнемъ обращеніи, ни въ поступкахъ относительно кого бы то ни было изъ семьи, а всего болѣе относительно императрицы-матери. Значеніе *матери* на столько для меня священно, и я нахожу такъ естественнымъ принятіе подобающаго мнѣ тона покорности, что мнѣ ничего не стоитъ обращаться къ ней для достиженія того, что въ данномъ положеніи моемъ я уже могу получить исключительно черезъ нее или черезъ новаго Государя. Признаюсь, мнѣ всегда нужно нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобы назвать *Николая* Государемъ! Такъ я была увѣрена, что не проживу достаточно для того, чтобы видѣть его на этомъ мѣстѣ! Но это усиліе надъ собой я дѣлаю и буду его дѣлать всегда. Что въ теченіи многихъ лѣтъ меня возмущало немного противъ императрицы-матери, это то, что я видѣла, какъ она всегда старалась отстранить меня отъ мѣста, Небомъ даннаго мнѣ рядомъ съ моимъ мужемъ. А теперь, когда все заставляетъ меня стремиться къ уединенію и безвѣстности, она же какъ будто желаетъ склонить меня вернуться опять къ свѣтской жизни съ ея суетнымъ величіемъ.

*

Всѣмъ тремъ томамъ писемъ Елисаветы Алексѣевны слѣдовало бы появиться въ полномъ Русскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ слышно, они уже всѣ разошлись и скоро сдѣлаются рѣдкостями. Письма эти важны не для исторіи только, но и для науки душевѣдѣнія. П. Б.

